

Партии, созданные в конце XIX — начале XX в., не только боролись за власть, но и пытались — сквозь призму своих идеологий — выражать различные социальные интересы и реализовывая свои доктрины на практике. Конкуренция между партиями являлась, таким образом, и конкуренцией моделей государственного, общее «венного устройства России. Анализ партийной системы страны т.е. совокупности политических партий, обладающей определенной внутренней структурой, логикой развития и местом в политической системе общества,— открывались новые возможности в исследовании особенностей и динамики политического процесса, а отчасти и идеологической «среды» России. Подобный подход позволяет не только лучше осмыслить деятельность и исторические шансы различных партий, но и в какой-то мере преодолеть известную «точечность», изолированность исследований событий 1917г. увязать их с устойчивыми тенденциями политического и идеологического развития России, а тем самым— заново оценить вероятность («по-старому»— закономерность) прихода к власти большевиков и иных, не осуществившихся тогда вариантов общественного развития.

Исследование партийной системы с трудом входит в отечественную историографию; последние обобщающие работы по истории российских партий фактически не используют понятие партийной системы \ хотя сама логика развития историографии, да и пофеонони в осмыслении формирования современной партийной системы подталкивают к исследованию данной проблемы.

Объяснения этому следует искать в том, что в отличие от конца 80-х- начала 90-х годов, когда жесткая борьба с закостеневшими идеологическими стереотипами, за высвобождение из тесных рамок марксистско-ленинской методологии диктовала повышенный интерес к теоретическим и концептуальным проблемам, нынешний период в историографии ознаменован прежде всего вовлечением в научный оборот новых источников, предпочтением, оказываемым конкретно-историческим сюжетам, и некоторым ослаблением интереса к методологическим проблемам. Сохраняющаяся неотработанность нового научного аппарата также затрудняет изучение «общих» вопросов. Все еще ощущаемый после падения ленинской монополии методологический вакуум можно заполнить, используя — с учетом российской специфики — разработанный и испытанный(с.29) во всем мире политологический аппарат. Его «интернационализм» создаст основу и для компаративистских исследований.

Едва ли не более всего нуждается в пересмотре принятая в советской историографии классификация парши. Ее классовый детерминизм искажал реальную картину партийной жизни как в силу абстрактное! и понятия «классовую» интереса, а отсюда неизбежной произвольности его трактовки², так и из-за недооценки относительной самостоятельности политической сферы, что имело особое значение для России. Последние годы исследователи, как правило, отказываются оі классового критерия (сохраняя, естественно, интерес к составу и социальным интересам, выражать которые в той или иной мере пытались партии), но новая классификация еще не вполне выкристаллизовалась³.

Более корректен идеологический критерий. В соответствии с ним российские партии можно разделить на социалистические (отрицавшие частную собственность и ориентировавшиеся в перспективе на осуществление той или иной модели социализма), либеральные, традиционалистско-монархические и «национальные» (преломлявшие ту или иную идеологию сквозь призму национальных, не великорусских интересов)⁴. Предлагаемый критерий не является исчерпывающим и применительно к конкретной обстановке может быть дополнен другим (например, основанным на анализе партийных тактик) Однако в целом именно идеологический критерий наиболее верно передает суть тех или иных партий и расширяет возможности анализа. В последние годы в той или иной мере он постепенно получает распространение⁵.

Исходным пунктом для анализа становления партийной системы служат особенности социально-экономического, политического и духовного развития России конца XIX — начала XX века. Отсутствие в современной отечественной литературе определенности в решении этой проблемы — следствие незавершенности, точнее, искусственного прерывания соответствующих дискуссий 60-х — начала 70-х годов, а также «историографической революции» конца 80-х - начала 90-х годов — побуждает хотя бы вкратце обозначить принципиальную позицию.

Подчеркивая самобытность страны, некоторые исследователи писали даже об особом российском типе капитализма⁶. Однако в основе этой самобытности лежала прежде всего незавершенность капиталистической модернизации страны, проявлявшаяся в многочисленных пережитках специфического феодализма, в незавершенности индустриализации (даже накануне мировой войны удельный вес сельского хозяйства в народном доходе почти вдвое превышал долю промышленности) и классового образования. Сохранялась сословность, социальная структура носила переходный характер. Общая численность рабочих, включая сельскохозяйственных, в 1900г. составляла 12,2 млн - менее 10% населения. Индустриальный же пролетариат насчитывал лишь 2,6 млн (2% населения), причем среди них потомственных рабочих было лишь около 40%, ссыльные же пришли из деревни. К 1917 г. 31 % (в Москве — до 40%) рабочих имели землю! Сила молодой отечественной буржуазии (примерно 1,5 млн человек к концу XIX в.) не соответствовала уровню индустриального развития страны вследствие огромной роли государства и иностранного капитала в развитии экономики. Из-за слабости средних слоев буржуазия не приобрела прочной социальной опоры; не успев в целом обрести свою классовую самоидентификацию, буржуазия не только не стояла у власти, но и не очень-то к ней стремилась, по крайней мере до 1905 года. 77% населения (до 97 млн человек) составляло забитое, бесправное крестьянство, в большинстве своем общинное, опутанное остатками докапиталистических отношений. Дворянское сословие (1.85 млн вместе с классными чиновниками, менее 1,5% населения), несмотря на постепенное ослабление своих позиций, все еще господствовало в обществе и прежде всего в политике, в государственном аппарате, где потомственные дворяне в конце XIX в. составляли 37% (среди офицеров— 51%), а среди высших чинов — подавляющее большинство⁷. Россия, по заключению(с.30) Н. А. Бердяева, «совмещала в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего средневековья до XX века»⁸,

В результате возникавшие во множестве отечественные партии не опирались, как правило, на четкие, структурированные социальные интересы. Отсюда относительно самостоятельная роль идеологии, превращавшейся в важнейший консолидирующий фактор партийного строительства, а также известная дробность, неустойчивость партий, их радикализм и оппозиционность царскому режиму. (Последнее во многом объяснялось и тем, что партии до 1906г. не были включены в политическую систему, во властные механизмы общества.) Само появление и деятельность партий отражали прежде всего нараставший конфликт между модернизацией и традиционализмом, наловившийся на глубокий социокультурный раскол «низов» и «верхов» общества и обостренный искусственным торможением социально-политического реформирования страны, резким ростом общественных ожиданий и массового движения в середине 90-х годов XIX века.

Россия традиционно отличалась высокой религиозностью населения. Однако проявлявшиеся в пореформенное время кризисные явления в православии способствовали «высвобождению» некоторого идейного пространства, которое и заполнялось постепенно различными идеологиями, в особенности социалистическими. Этому способствовали болезненность, конфликтность общественно-политического развития, рост социальной напряженности, оппозиционных и революционных настроений в обществе к началу XX века. Социалистические идеи, несмотря на свое «западное» происхождение, оказались близки некоторым духовным традициям, русскому национальному характеру своим радикальным, бескомпромиссным и коллективистским духом, стремлением к абсолютной справедливости, равенству, а в целом— известным сходством с евангельским христианством⁹. И только после едва ли не повального увлечения «передовой общественности» легальным марксизмом в середине 90-х годов XIX в., а во многом и благодаря ему, среди интеллигенции все больше распространялся либерализм, прибежищем которому до того служил главным образом лишь узкий круг дворян-земцев

«Совершившая свою мобилизацию под знаменем марксизма, демократическая интеллигенция к концу 90-х годов начинает.. самоопределяться,— отмечалось в фундаментальном меньшевистском труде,— с одной стороны, в смысле буржуазного либерализма, с другой стороны, — мелкобуржуазного народничества». Подобные оценки разделяли и либералы «В особенности социализм служил той колыбелью, в которой песювалась наша политическая мысль»,— подчеркивал кадет А.С.Изгоев. «Русский марксизм исполнил ту задачу, которая везде в других странах выпадает на долю либерализма»,— делал вывод известный «легальный марксист», а затем

либерал (кадет) П. Б. Струве¹⁰.

Распространение либеральных идей затруднялось из-за относительной слабости и аполитичности потенциально важнейшего их носителя — буржуазии, а отчасти и в силу политики властей. До 1895 г. правительство не обращало внимания на социал-демократическое движение¹¹. Да и затем оно спокойно относилось к легальному марксизму, но боялось конституционализма. Главное же, идеи либерализма были объективно чужды системе ценностей и социальному положению большинства населения страны. Прежде всего это относилось к общинному крестьянству, придерживавшемуся коллективистского образа жизни, настороженно относившемуся к любым «барам» и в основном неграмотному. Российские рабочие — недавние выходцы из деревни, сохранявшие во многом традиционное сознание и жившие в тяжелых материальных условиях, — также не могли являться питательной средой для либеральных идей. «Рабочая аристократия» оставляла в России лишь 4% от численности пролетариата, что в 2—4 раза уступало уровню Англии и Германии¹².

Незавершенность социального структурирования общества и мощные традиции духовности, интереса и даже преклонения перед печатным словом (несмотря на неграмотность³/^{*} населения, Россия в 90-х годах XIX в. (с.31) занимала третье место в мире по числу названий издаваемой литературы) способствовали тому, что политические партии, как подмечали уже в начале XX в., создавались не столько на основе социальных интересов, еще не вполне кристаллизовавшихся, сколько идей¹³, причем эти идеи чаще всего были заимствованы на Западе. (Пожалуй, в наибольшей мере это относилось к РСДРП и кадетам, однако даже такая самобытная российская партия, как эсеры, не избежала сильного идейного влияния европейских партий II Интернационала¹⁴.) Заимствованные на Западе идеи и доктрины далеко не всегда были приспособлены к российским условиям, и их адаптация, собственно, и являлась главной проблемой для большинства отечественных партий. Решение этой задачи осложнялось максимализмом интеллигенции, ее склонностью к абстрактному мышлению¹⁵, и можно сказать, что в целом «партийная» интеллигенция с данной проблемой не справилась,

Российские партии, таким образом, складывались не столько на основе различных социальных общности, групп, корпораций, как это было на Западе, а позднее в иной форме — в Китае (где большинство возникших в период Синхайской революции 1911—1913 гг. партий, весьма специфических, выступали тем не менее как организации малых групп: профессиональных, возрастных, и т. п.)¹⁶, сколько насаждались интеллигенцией. В условиях незавершенности классового образования и отсутствия представительных учреждений интеллигенция брала на себя роль выразителя интересов различных социальных групп, создавала и «обслуживала» практически все партии, действуя в партийном строительстве подобно катализатору. Она как бы компенсировала отсутствие мощной, политически консолидированной буржуазии, способной взять на себя лидирующую роль в выражении насущных общественных потребностей¹⁷. Активную, до сих пор недооцененную роль в создании партий играло и дворянство, а также земские и иные общественные структуры (особенно для либералов)¹⁸.

На Западе большинство партий создавалось из парламентских фракций или во всяком случае в связи с выборами в представительные органы власти. В самодержавной России многое, в том числе и относительно массовые, партии, возникли еще до создания Думы (например, Бунд в 1904 г., по оценкам своих руководителей, насчитывал от 23 до 30 тыс. человек, РСДРП к лету 1905 г. — 26,5 тыс. членов¹⁹). Вместе с тем, выборы в Булыгинскую и особенно в I Государственную думу сыграли, возможно, решающую роль в оформлении большинства партий и в целом партийной системы. Основная масса партийных организаций возникла весной — летом 1906 года.

Уникален был сам порядок образования партий в России. Прародителем российских политических партий выступала «Народная воля» (1879—1882). На прямое родство с этой политической организацией террористов (которые, кстати, уже называли себя партией) претендовали эсеры, а на косвенное — социал-демократы и даже кадеты²⁰. Однако первыми в стране появились национальные партии, причем почти все они в той или иной мере использовали социалистическую идеологию: Гнчак (1887 г.), Дашнакцутюн (1890 г.). Социал-демократия Королевства Польского (1893 г.), Литвы (1896 г.), Бунд (1897 г.) и др. Несоциалистические национальные партии возникли несколько позднее — в начале XX века. (Исключение составляла, в

частности, Польская национально-демократическая партия, образовавшаяся в 1897г., а ее основа— Польская лига возникла еще в 1887 году.) Опережающему созданию подобных парши способствовали начало кризиса империи, рост национального самосознания (особенно заметный на фоне незавершенности формирования классов и классовой самоидентификации), а также наличие в составе России народов с относительно высокой культурой и мощными заграничными диаспорами.

На рубеже веков образовались собственно российские социалистические парши: РСДРП (1898—1903 гг.) и партия социалистов-революционеров (1901—1902гг.). Созданию РСДРП отчасти способствовал пример Социал-демократической партии Германии, а также образование национальных партий, прежде всего Бунда, который сыграл значительную роль в созыве(с.32) I съезда РСДРП и в целом в создании партии). Возникновение нелегальных политических течений и организаций в ряде случаев начиналось с отпадения их будущих членов, групп интеллигентов от социал-демократии. Окончательно отколовшиеся от РСДРП «легальные марксисты» сыграли важную роль в создании в 1902г. либеральной группы «Освобождение», во главе которой встал Струве. В какой-то мере, по мнению К.Н.Тарновского, подобные процессы были характерны и для эсеров, до 1902 г., а в некоторых случаях и до конца 1905 г. имевших общие с социал-демократами организации в Поволжье, на Урале и Ташкенте ²¹.

В 1899 г. возник кружок «Беседа», а в 1903 г. — гораздо более влиятельные либеральные организации: Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов. Организационное оформление либералов, по их собственному признанию, подталкивал рост революционного движения, опасение того, что «в самый важный и критический момент» их могут потеснить другие элементы, «более крайние и решительные»²². В свою очередь, в ответ на активизацию либералов в 1900г. возникла традиционалистско-монархическая организация (поначалу культурно-просветительского толка) Русское собрание. Рост революционного движения привел к образованию в 1901 г. первых зубатовских рабочих организаций «Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» и «Еврейской независимой рабочей партии», рассматривавшейся как противовес Бунду.

8 1902 г. под руководством зубатовских организаций в Москве состоялась монархическая манифестация рабочих, в ко юрой приняли участие 50 тыс. человек. В 1903г. возникло гапоновское общество фабричных и заводских рабочих (порождение зубатовщины, но уже без Зубатова), которое к концу следующего года насчитывало до 20 тыс. членов и являлось самой массовой и мощной организацией Санкт-Петербурга. Рядом с ней сила нелегальных социал-демократической и иных революционных партий, по словам меньшевиков, «казалась почти ничтожной». Примечательно, что попытки социал-демократов организовать демонстрации в обеих столицах в ноябре— декабре 1904 г. провалились, а по призыву Гапона на улицы Петербурга 9 января 1905г. вышло 150 тыс. человек, что застигло социал-демократов врасплох ".

Таким образом, в начале XX в. организационно оформляются основные политические течения. При этом в ходе «утробного», скрытого формирования партийной системы явное преимущество получают партийно организованные социалисты и «националы» (отчасти эго повторилось и на последних этапах существования партийной системы после Октября 1917 года). Образование либеральных и традиционалистско-монархических партий относится лишь к 1905—1906 годам. Такой «задержке» способствовали прежде всего относительная слабость, политическая пассивность российской буржуазии и существовавший политический режим, не допускавший легальных партий.

Специфический генезис партий наложил отпечаток на партийную систему страны, которая весьма быстро сформировалась в 1905—1906 годах. Наиболее надежные данные о ее структуре содержат оценки численности членов партий и количества местных организаций (показатель «почвенности» партий) Они соответственно составляли³⁴: РСДРП вместе с вступившими в нее национальными партиями 167 тыс. (из них собственно большевики и меньшевики - примерно 100 тыс.) и 518 (число населенных пунктов, где имелись организации), -эсеров — 65 тыс. и более 2 тыс. (включая 1555 крестьянских братств); кадетов— до 70 тыс. и 360; октябристов— до 80 тыс. и 260 (включая 23 примкнувшие местные политические организации); Союз русского народа (СРН)— 350 тыс. (часть которых состояла лишь номинально) и 2148 организаций. Таким образом, основные

либеральные партии уступали важнейшим социалистическим партиям и СРН по совокупному числу членов в 1,5—2,3 раза, а по количеству местных организаций— в 3,5—4,1 раза. Относительная слабость либералов, то есть партийного центра (точнее, левого центра) и наличие мощных (к тому же непримиримо враждебных друг другу и либералам) (с.33) флангов, представленных социалистическими и традиционалистско-монархическими партиями, составили особенность партийной системы России.

Учет мелких партий и особенно думской статистики вносит некоторые коррективы в оценку влияния основных политических течений. Несмотря на известную условность данных о партийном, фракционном составе российского парламента, можно констатировать, что во всех Государственных думах, кроме Второй, самой радикальной, либералы в целом располагали не только относительным, но и абсолютным большинством. во всяком случае на момент начала работы Дум, По приблизительным подсчетам, либералы и примыкавшие к ним²⁵ контролировали до 56% голосов в I Думе (к концу работы Думы эта доля снизилась до 45%), 29% — во II и более чем по 53% — в III и IV Думах²⁶. Однако, принимая во внимание ущербность избирательного законодательства, ограниченность нравы российского парламента и противоречия внутри либералов, можно констатировать, что их сильные позиции в Думах не могли полностью компенсировать узость их массовой базы и относительную слабость их влияния в обществе в целом.

Россия так и не стала парламентской страной, и влияние партий в парламенте не имело здесь такого значения, как в большинстве западных стран За исключением периодов 1906- -1907 и 1915 —1917гг., когда Дума, выступая центром оппозиции царскому режиму, привлекала к себе широкое внимание и общественные симпатии. подавляющая часть населения России слабо интересовалась думской работой и, как правило, не возлагала на нее особых надежд. На заседании социал-демократической фракции III Думы в октябре 1908г. отмечалось: «Доклады с мест констатируют или полный индифферентизм населения к Государственной думе и к фракциям, или же отрицательное отношение»²⁷ (здесь, правда, нужно учитывать особенности электората социал-демократов).

Диспропорция в соотношении численности членов, партийных организаций и количества полученных на выборах голосов во многом объяснялась различием организационного строения социалистов, СРН и либералов, в большей степени ориентированных на думскую деятельность. Вместе с тем очень значительный удельный вес внепарламентской деятельности--чем на Западе отличались главным образом социалисты— был вообще характерен для российских партий. Кадеты и в меньшей степени октябристы понимали важность организации. Но в реальности сила партийных структур как бы убывала слева направо. Мощные организации имели эсеры, РСДРП (у большевиков формировался новый тип централизованной, по сути вождистской партии), им уступали кадеты, еще более— октябристы, а СРН во многом напоминал организацию движенического типа. Сила партийной организации — при прочих равных условиях — играла огромную, а с 1917 г. и определяющую роль в «живучести» партий.

Правый партийный фланг, традиционалисты, во многом опирался на поддержку государства. Основная идея Союза русского народа, писал С.Е.Крыжановский, заключалась в том, чтобы «...восполнить на началах самообороны— «око за око, зуб за зуб»— недостатки правительственной охраны, связанной государственными формальностями». Дело доходило до того, что некоторые члены черносотенных партий, оказавшись в «стесненном» материальном положении, обращались «за наградой» за свою активную политическую деятельность в Департамент полиции. «Для нас, непосвященных,— иронизировал А.В.Пешехонов, лидер народных социалистов, - не совсем ясно, где кончается корпус жандармов и где начинается Союз русского народа»²⁸. Тем не менее связи черносотенцев с государством и особенно с полицией нельзя переоценивать. В целом традиционалистско-монархические партии сохраняли свою самостоятельность. Однако разносторонняя государственная поддержка как бы завывала в какой-то мере их реальную силу. В то же время левый фланг— социалистические партии— до 1917г. действовали большей частью в стесненных государством условиях, что сдерживало реализацию их потенциальных возможностей.

Таким образом, уже с самого начала партийную систему России от(с.34) личал гипертрофированный левый, социалистический фланг, воздействие которого на общество во

многим зависело от стабильности государственной власти.

Уже с 1906 г. исследователи подмечали, что в отличие от большинства европейских партий российские гораздо менее «совпадали» с классами и крупными социальными группами²⁹. Это являлось одной из причин характерного для России раскола, дробности родственных, близких друг другу партий. В стране практически не было сколько-нибудь крупных «буржуазных» партий. Российская буржуазия относилась к кадетам, отчасти к октябристам и даже к прогрессистам (хотя последние создавали в 1912 г. свою партию именно как буржуазную) с некоторой настороженностью и, несмотря на усиливавшееся сближение, не считала их, по крайней мере до 1917г., «своими» партиями. Во многом поэтому и в финансовом отношении кадеты и октябристы едва сводили концы с концами³⁰. Да и сами кадеты, не чуждые, особенно поначалу, просоциалистических идей (некоторые из них не отрицали социализм как «идеал, к которому идет и придет человечество»), скептически относились к русской буржуазии. С полной определенностью свою приверженность принципам частоту предпринимательства они официально декларировали лишь в июле 1917г. на IX съезде партии³². Такая «небуржуазность» составляла особенность российского либерализма, придававшую его левому крылу кадетам дополнительную радикальность, но в целом существенно его ослаблявшую.

Большинство западных либеральных партий лишь спустя определенное время раскалывалось, выделяя радикалов. В России либерализм был расколот с 1903 г., то есть еще до того, как он партийно организовался. Существенные расхождения проявились не только в отношении либералов к правительству (октябристы по меньшей мере до 1909г. поддерживали П.А.Столыпина, а кадеты его жестко критиковали), но и в их идеологиях, предлагавшихся ими моделях будущего государственного устройства. Этот раскол, не преодоленный, во всяком случае, до создания Прогрессивного блока, сыграл далеко не последнюю роль в том, что либерализм в России не смог выполнить той миссии, которая была осуществлена им на Западе.

Несколько больше класс и партия совпадали у социал-демократов. Хотя к началу 1905 г. в руководящих органах партии рабочих не было вовсе, их доля в общей численности РСДРП превышала 60%. Отчитываясь о деятельности социал-демократической фракции во II Думе, Г.А.Алексинский гордо заявлял, что его партия «имеет исключительное влияние и авторитет среди пролетарского населения России. Рабочая курия почти вся голосовала за социал-демократов»³¹. Однако, несмотря на действительный успех на выборах 1907 г. и стремление РСДРП опираться на пролетариат, сами рабочие в основной массе еще не считали ее своей партией. Доказано отсутствие непосредственной связи между размахом забастовочного движения в 1905—1907 гг. и численностью организаций РСДРП³⁴. Но партия все же была в рабочей среде, пожалуй, наиболее популярной среди других партий (в 1917 г.— наряду с ПСР), черпая в этом жизнеспособность и силу, несмотря на существование после раскола ее в 1903г. двух враждующих фракций (с 1917 г.— партий) большевиков и меньшевиков.

Партийную систему России отличал огромный удельный вес «несистемных партий». Партии в большинстве не только были оппозиционны по отношению к существовавшему политическому режиму, но и стремились его разрушить (социалисты, националы, кадеты, отчасти и традиционалисты). В партийных системах западноевропейских держав удельный вес таких партий был несравненно ниже, большинство оппозиционных, в том числе социалистические партии, было уже интегрировано в существовавшие в этих странах политические порядки и потому утратило свой радикализм. Российские же партии занимали, как правило, самые крайние позиции среди соответствовавших им — в той или иной мере — европейских партий. Социал-демократы (и меньшевики и, особенно, большевики) были самыми радикальными среди социал-демократов Европы, кадеты — среди европейских либералов (о чем с гордостью заявлял Миллюков), а таких (с.35) «консерваторов», а точнее, традиционалистов-реакционеров, как СРН, не было даже близко среди западноевропейских партий. Все эти сверхрадикальные партии действовали в одной стране, составляя российскую партийную систему, которая могла существовать только в условиях сильной монархической власти.

Отмеченные особенности партийной системы, ее внутренняя антагонистичность и диспропорциональность компенсировались мощным государственным вмешательством поддержка традиционалистов, служивших противовесом либералам и социалистам; ограниченность

полномочий Думы и «искусственное» и охранительное законодательство; репрессии против социалистов и «националов» и т. д. Огромная роль государства (отражавшая исторические традиции, потребности модернизации и несформированность гражданского общества), а отчасти и относительная молодость новых для России политических институтов (легализованных лишь в 1905-1906 гг.) обусловили приниженное место партии и в целом партийной системы в политической системе страны. Помимо императора, даже согласно Основным законам 1906 г., сохранившего огромные полномочия, большое, а порой решающее влияние на политику оказывали придворная камарилья, непартийные структуры наподобие Совета объединенного дворянства. Да и в общественном сознании партии, особенно поначалу, воспринимались весьма противоречиво. Даже В.О.Ключевский был противником «партийно-политического деления общества при организации народного представительства». Верховная же власть, по существу, так и не смирилась с наличием партий, а уж тем более с их претензиями на власть. «Не ищите поддержки в политических партиях, они у нас незначительны», — поучала премьер-министра В.Н.Кокцовца императрица Александра Федоровна. «Мы надеемся, что вы никогда не вступите на путь этих ужасных политических партий, которые только и мечтают о том, чтобы захватить власть или поставить правительство в роль подчиненного их воле»³⁶.

В свою очередь, приниженное положение партий усиливало их оппозиционность. Партийная система не вписывалась в политический режим, силы партий и государства находились в обратной зависимости друг от друга. Это противостояние отражалось и в партийных идеологиях и государственных доктринах.

Либералов объединяла ориентация (большая или меньшая) на опыт государственности Запада, включая такие его компоненты, как широкие личные права и свободы, всеобщее избирательное право, конституционная монархия, законодательный парламент, правовое государство (хотя позиция некоторых партий, например, октябристов, в последнем пункте не была последовательной). Традиционалистско-монархические партии, напротив, ориентировались на исторический опыт российской государственности. прежде всего неограниченного самодержавия, связанного с православием и русской народностью, «державной, господствующей и первенствующей». Лишь часть традиционалистов смогла смириться с существованием с 1906 г. законодательной Думы³⁷. Ультрарадикальные в целом российские социалисты стремились к осуществлению сугубо идеологизированных и принципиально новых общественных моделей.

Доктрины важнейших отечественных партий в большинстве предусматривали разрушение существовавшей в России с 1905-1906 гг. модели государственности. Социалисты, кадеты, СРН выступали жесткими критиками думской монархии. Исключение среди крупных партий составляли главным образом октябристы. В основном их удовлетворяла программа преобразования государственного строя, изложенная в Манифесте 17 октября и ориентированная на создание конституционной монархии, типа германской, с сильной властью государя и относительно неширокими полномочиями парламента. Зато уже кадеты требовали радикальных преобразований, включавших введение не только всеобщего, но и равного и прямого избирательного права — а также «ответственной министерства» — правительства, ответственного перед парламентом, по английскому образцу. (В 1905—1906 гг. под влиянием революционной эйфории идея о всеобщих, (с.36) равных и тайных выборах в Думу захватила российское общество, и ее сторонниками, по некоторым свидетельствам, ехали такие деятели, как А.И.Гучков, Д.Н.Шипров и даже В.А.Бобринский³⁸. Однако в дальнейшем умеренные либералы, в отличие от кадетов, отказались от лозунга равных и тайных выборов.) Таким образом, различия между октябристами и кадетами определялись не только качественно иной мерой демократизации, но и иными моделями будущего государственного устройства, а в целом — различной степенью адаптации их доктрин к российским условиям и отсюда — их реалистичности. Вместе с тем, если кадеты, скопировавшие свой образец с английской парламентской монархии, грешили явным утопизмом, и гораздо более «приземленные» октябристы в достижении своих целей слишком тесно зависели от успешности правительственного курса реформ.

Эсеры и особенно социал-демократы исповедовали весьма туманные и двусмысленные государственные доктрины, совмещавшие некоторые либеральные ценности, типа парламентаризма, демократической республики, — с радикальными, в том числе марксистскими

положениями о замене постоянной армии всеобщим вооружением трудящихся, «самодержавии народа», «временной революционной диктатуре рабочего класса», а также с пренебрежением к разделению властей, фактически — и к личным правам и свободам³⁹. Более того, они рассматривали будущую республику как временную, преходящую форму на пути к социализму, властные механизмы которого оставались не проясненными, но подразумевались (особенно у социал-демократов) диктаторские методы правления. Национальные партии в большинстве объединяло (как показал последующий исторический опыт) стремление к национальной государственности или по меньшей мере автономии.

Таким образом, если по отношению к существовавшему в России государству большинство партий объединял своего рода негативный консенсус, то в отношении будущей государственности единства не было даже среди родственных партий. Это имело под собой некоторую объективную основу. Ключевский (до сих пор недооцененный у нас как проницательный и тонкий очевидец бурных событий конца XIX — начала XX в.) писал в 1905 г. что в условиях, когда «сословное деление уже не отражает в себе полно и точно действующих в обществе интересов, а эти интересы еще не успели кристаллизироваться, сомкнуться в общественные классы, способные найти своих представителей..., можно проектировать какие угодно системы народного представительства, выкраивая их по образцу ли старинных московских Земских соборов, или по современным западноевропейским конституционным шаблонам»⁴⁰.

Пожалуй, лишь две общие черты, характеризовали в той или иной мере большинство программ ведущих российских партий. Во-первых, это стремление к усилению роли государства в экономике, социальной или иных сферах, что являлось своеобразной реакцией общества на процессы модернизации, и что — с различных позиций — выражали не только социалисты, но также черносотенцы и часть либералов (особенно кадеты). Во-вторых, большинство партийных доктрин отличалось нереалистичностью их государственных моделей, либо обращенных в прошлое, к неограниченному самодержавию (СРН), либо, напротив, безоглядно взятых — полностью или в своих принципиальных пунктах — из Западной Европы и предусматривавших, в частности, немедленное введение всеобщего и равного избирательного права, всех мыслимых демократических свобод, для осуществления которых Англии и Франции, например, после появления в них парламентов потребовалось более шести веков. А сверх того многие партии требовали еще и широчайших социально-экономических прав (включая 8-часовой рабочий день), которые в полном объеме не были реализованы даже в передовых европейских странах.

Таким образом, и соотношение политических сил и господствовавшие в обществе политические представления делали маловероятным переход России к демократической государственности. (с.37) Особенности партийной системы как бы отражали революционное, экстремальное время ее создания и в той или иной мере сохранялись до Февраля 1917 года. В этом отношении стратегическое значение «третьеиюньского переворота», думается, несколько переоценивается отечественной историографией. Некоторые сомнения вызывая корректность распространенного термина «третьеиюньская политическая система». Разумеется, 3 июня 1907 г. явилось важным рубежом, ознаменовавшим коррекцию некоторых властных механизмов и всей общественной атмосферы. Роспуск II Думы, изменение избирательного закона и некоторое ограничение думских полномочий устранили тот разлад в политическом строе, который служил постоянным источником напряженности. Однако, это означало не создание новой политической системы, а смену политического режима, то есть способа осуществления власти. Если исходить из преобладающего у нас и в Европе определения политической системы как совокупности основных политических учреждений, придется признать, что важнейшие «государственные» и «общественные» элементы политической системы — законодательно и конституционно ограниченная монархия, Дума, Совет министров, видоизмененный Государственный совет, почти все основные партии и общественные организации — возникли в 1905–1906 годах. Именно тогда произошел качественный скачок в развитии политических структур, который во многом определил последующее развитие событий.

Третьеиюньский режим оказал существенное влияние на политическую систему. В целом радикализма у партийцев существенно поубавилось. Подавление социалистических партий, выделение в них широкого течения (ликвидаторство), направленного фактически на интеграцию в

существовавший режим, превращение непримиримой оппозиции в системную; расколы СРН, выразившие начало приспособления части традиционалистов к третьеиюньским политическим условиям и превращение их в консер-вагоров⁴¹; наконец, относительное (на этом фоне) усиление позиций либералов -- все это несколько видоизменило и, казалось, гармонизировало партийную систему и в целом соотношение политических сил. Это нашло отражение в работоспособной III Думе. В жизни партий резко возросла роль думских фракций, в то время как внедумская работа свертывалась. Создавшиеся в Думе так называемые два большинства обещали, казалось, свести фракции в стабильные и эффективные для парламентской деятельности коалиции. Новыми моментами в партийной системе России стало образование партий националистов (1910г.) и прогрессистов (1912г.). Обе они стояли ближе к партийному центру, чем к флангам. В создании их важнейшую роль сыграли думские фракции. Прогрессисты являлись, по сути, первым опытом создания «классовой» (и парламентской) партии буржуазии. Националисты, несмотря на существенные черты традиционализма, примыкали, скорее, к либералам, нежели к крайне правым монархистам⁴², что проявилось в их последовательной поддержке Столыпина, его реформ.

Все эти в основе положительные сдвиги были вызваны прежде всего общим столыпинским курсом. Однако сказалось и то недооценивавшееся в историографии обстоятельство, что правительство сумело оказать поддержку тем партиям и организациям, от которых ожидало содействия. Это вытекало как из самой стратегии Столыпина, предполагавшей проведение реформ совместными усилиями правительства и III Думы, широкой общественности, так и из слабости правительственной власти, причем не только политической, но и административной, вызванной архаичным состоянием местного управления. «Аппарата управления на местах не существовало, а были только чиновники разных ведомств., причем между собой не спаянные»,— писал Крыжановский. Да и на верху, несмотря на существование объединенного правительства, «спайка органов управления» была еще слаба. Это затрудняло влияние правительства на политическую обстановку, на выборы в Думу. «Правительство не могло быть даже уверено в том, что стоящие у избирательных ящиков должностные лица не будут действовать ему во вред... При таком положении правительству приходилось искать(с.38) опоры в зарождавшихся партийных организациях правых и до известной степени октябристских». Помимо непосредственного отпуска сумм из секретного фонда, правительство создало более 30 газет правой ориентации (правда, из-за отсутствия подготовленных кадров особого влияния они не приобрели), выпускало брошюры на злободневные темы, наладило контакты с земскими и городскими деятелями. Расходы на правительственную пропаганду, поддержку партий и отдельных лиц на выборах достигали при Столыпине 3 млн руб. в год. Но уже правительство Коковцова свернуло эту деятельность (новый премьер ее недооценил), резко сократило финансирование партий⁴³, что способствовало закату черносотенцев, националистов и разложению третьеиюньского режима.

Вместе с тем, определяющее влияние на партийную систему оказало торможение столыпинских реформ, причины которого коренились в слабости реформаторского потенциала общества и гибели самого Столыпина. Третьеиюньский режим опирался, главным образом, на страх перед революцией (который быстро проходил) и незаурядную личность Столыпина. Его премьерство, однако, длилось всего 5 лет, причем он так и не получил прочной и стабильной поддержки из-за колебаний царя и особенностей партийной системы, в частности слабости умеренных либералов. Надежды на традиционалистов, только начавших (не без помощи Столыпина) сдвигаться к консерватизму, причем далеко не в полном составе, очевидно, еще не могли оправдаться. Соглашение с радикалами-кадетами, с их утопическим требованием ответственности министерства и сочувственным отношением к общине и революционному терроризму, также было невозможно. Октябристам же и националистам недоставало влияния, чтобы противостоять напору правых— противников Столыпина.

В итоге отмеченные выше положительные изменения в партийной системе не стали глубокими и долговременными. Создав адекватную устойчивую партийную систему Третьеиюньский режим не сумел. Социалистические партии выжили и окрепли. Несмотря на участие в Думах, ликвидаторство, а затем и «оборончегво», они так и не вросли в существовавший политический режим. Усиление либерального центра было весьма относительным. Раскол в 1913г. думской фракции октябристов, а вскоре фактически и самой партии⁴⁴ подрывал позиции

либералов в целом. Рост числа прогрессистов не мог этого компенсировать, да и сами они не успели стать партией «большинства буржуазии». Вне Думы позиции прогрессистов были весьма слабы⁴⁵. Возросшие трудности в работе, внутренние противоречия и резкое снижение численности как социалистов (РСДРП, даже по явно завышенной оценке Л.Д.Троцкого, насчитывала в 1910г. лишь 10 тыс. членов), так и традиционалистов и либералов (численность кадетов накануне первой мировой войны не превышала 10—12 тыс. человек, сократившись по сравнению с 1905—1907 гг. в шесть раз; количество отделов партии октябристов уже к 1908—1909 гг. уменьшилось более чем вдвое— с 260 до 127⁴⁶), были не просто проявлением приспособления партий к изменившимся условиям, но во многом свидетельствовали и о кризисных явлениях в партийной системе.

Особенно глубоко они затронули традиционалистско-монархические партии. Расколы СРН и внутренние склоки, вызванные не только амбициями руководителей, но и стремлением части из них вписаться в послереволюционную политическую жизнь и Третьеиюньский режим, деморализовали рядовых членов. На Волыни, как признавали сами правые, «крестьяне-союзники оставлены без руководства, а лишь только распропагандированы партийной борьбой двух советов, и превратились в опасный элемент, который по своему только не перешел в революцию», что сохранил монархические чувства⁴⁷.

Постепенно происходило размывание идей и стереотипов, системообразующих для доктрин традиционалистов и, что еще более важно, для авторитарно-патриархальной политической культуры масс (которую и использовали черносотенцы). В 1905—1907 гг. было зафиксировано более 500 выступлений крестьян против духовенства, включая убийства (с.39) священнослужителей, разрушение церквей и монастырей. Падение религиозности населения продолжалось и в последующие годы, что очень тревожило и правых и церковных иерархов⁴⁸.

Первая русская революция, наложившись на религиозный в своей основе, а потому максималистский способ мышления широких масс, упрочила радикальные настроения. «Мы, дети 5-го года, воспринимали ее (революцию,— С. Л.) как новое евангелие на веру... В самодержавии мы видели единственную помеху к тому, чтобы небо стянуть на землю- Чем предлагались средства короче и решительнее, тем скорее за них хватались»,— писал позднее один из участников анархистского движения. В последние годы существования царизма семена, посеянные в предреволюционное и революционное время дали обильные всходы. В феврале 1913г. директор Департамент полиции С.П.Белецкий с тревогой докладывал министру внутренних дел Н.А.Максакову, что в армии уже с 1909г. наблюдались «признаки развития преступной пропаганды», а у крестьян, «коими главным образом комплектуются войска, значительно понизилось представление о долге, патриотизме и святости присяги, так как большинство народных учителей, через руки которых проходит молодое поколение, являются скрытыми социал-демократами и ни эсерами» В казармах некоторые солдат, подозреваемые в черносотенстве, преследовались своими товарищами. Более того, даже священники порой отказывались участвовать в деятельности традиционалистских партий и помогать им⁴⁹.

Первая мировая война не только озлобила, радикализовала и вооружила широкие массы, но и способствовала окончательной дискредитации Николая II, его окружения и в целом государственной власти По выражению В.А.Оболенского, «ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем — предателями, было всеобщим»⁵⁰. Все эти факторы в условиях роста напряженности в обществе делали рядовых «союзников» легкой добычей революционной агитации. Наметившийся еще до 1917г. закат традиционалистско-монархических партий означал окончательное падение идеи самодержавия, неограниченного или даже сосуществующего с законосовещательной Думой. Более того, даже существовавшая в России «думская монархия» лишалась одного из немаловажных политических атрибутов, что, учитывая распространенность оппозиционных настроений в 1915—1916гг., серьезно осложняло ее положение.

Дума в итоге так и не смогла наладить эффективного сотрудничества с правительством. С созданием в 1915 г. Прогрессивного блока она превратилась в важнейший центр оппозиции и в немалой степени подхлестнула революционные настроения в обществе. Прогрессивный блок требовал от царя «правительства общественного доверия» фактически составленного из оппозиционеров-либералов. По сути, это требование мало чем отличалось от «правительства,

ответственного перед парламентом». Речь шла о резком, принципиальном изменении политического режима, что в условиях войны грозило разрушением государства.

Партии в России не стали парламентскими. Кроме того, окончательно закрепилось их разделение на «думские» — либералы и «внедумские» — большинство социалистов и традиционалистов, направляли свою деятельность во многом против Думы, хотя и используя ее трибуну. В этом же проявился и гораздо более глубокий раскол партий на «партии низов» (социалисты и, в значительной степени, традиционалисты) и на «партии верхов» (прежде всего, либералы). Таким образом, социокультурный раскол «низов» и «верхов» или, но выражению французского посла М.Палеолога, «тот глубокий ров, та пропасть, которая отделяла высшие классы русского общества от масс», прошла через всю партийную систему. Известный раскол наблюдался и внутри партий, прежде всего у социалистов (интеллигенты--рабочие, крестьяне) и традиционалистов (дворянско-помещичье руководство — народные низы). Многие социал-демократы, подчеркивая резкое разделение партии на интеллигентов и рабочих, говорили о наличии в ней «аристократии» (профессиональных революционеров) и «партийного плебса»⁵¹. Разумеется, отмеченное выше социокультурное разделение не(с.40) было абсолютным. (Например, в 1905—1907 гг. рабочие и крестьяне составляли до 15% кадетов, в отдельных кадетских организациях на Урале крестьяне поначалу составляли большинство ⁵².) Тем не менее, оно реально существовало и сыграло важную роль в судьбе партийной системы, да и России в целом.

Тяжелые поражения в мировой войне, недееспособность властей вызвали взрыв оппозиционных нас (роений в обществе, широкое неприятие существовавшего режима. Происшедшая на этом фоне Февральская революция временно объединила партии «верхов» и умеренную часть партий «низов». Но уже с самого начала это объединение было непрочным, что и отразило «двоевластие». Данный феномен был обусловлен не только объективными факторами. тем, что российская революция пошла чуть дальше, чем большинство европейских буржуазных революций, но и идеологическими воззрениями умеренных социалистов, не предполагавших — на данном, «буржуазно-демократическом» этапе — взять всю полноту власти в государстве⁵³, но в то же время не очень-то доверявших либералам.

Гораздо большая близость обнаружилась внутри партий «низов» — социалистов и традиционалистов. После Февральской революции блестяще подтвердился сделанный Струве еще в 1906 г. вывод: «Сущность и белого, и красного черносотенства заключается в том, что образованное (культурное) меньшинство народа противопоставляется народу как враждебная сила». Марксизм, «подчеркивая социальную рознь классов, неизбежно... подталкивал и культурную рознь классов, которая в русской жизни тесно переплетается с социальными антагонизмами». Это глубинное сходство, побуждавшее либералов расшифровывать СРН как «социал-революционеры навыворот», не могло не проявиться и в политике. С тем, чтобы не потерять массы в условиях их дальнейшей радикализации, черносотенцы, по мнению некоторых современников, усвоили «почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была лишь в том, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем Самодержавного Царя как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, а другие — именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику»⁵⁴. Все это объясняет быстрое растворение основной массы традиционалистов после Февраля 1917 года. Детального исследования этого феномена, в частности, политической судьбы рядовых традиционалистов в 1917г. пока нет. Многочисленные свидетельства современников о массовом переходе черносотенцев в ряды большевиков, на сторону Советской власти не нашли пока еще документального подтверждения. Однако сам факт подобного массового перехода косвенно признал Ленин. В 1920г. на IX конференции РКП(б) он говорил, что революция 1905г. подняла «самые крупные и в то же время самые отсталые элементы крестьянства, и эту работу нам помогали проводить черносотенные элементы... Получилось так, что эта вновь возникающая черносотенная организация впервые объединила крестьян, привлекла их к организации. И эти поднятые крестьяне сегодня выступали с черносотенными требованиями, а завтра требовали всей земли от помещиков».. Типологическое сходство «белого и красного черносотенства» способствовало утверждению в советской России государства, во многом схожего с самодержавным, но

властвовавшего не под православными, а под коммунистическими знаменами,

Таким образом, в царской России не сложилось стабильной, жизнеспособной партийной системы. Чрезвычайной множественностью партий (от 100 до 150 и более, по разным оценкам), их дробностью и определенной неустойчивостью партийная система России напоминала, казалось, такие Страны, как Франция или Италия. Однако качественно иными были уровень ее поляризации, доля несистемных партий и сверхрадикальных идеологий. В результате партии сыграли важную (хотя и не для всех очевидную) роль в крушении государственной власти в феврале 1917 года.

Недоразвитость партийной системы отразило и возрождение с 1906 г. (с.41) российского масонства. Оно было представлено законспирированным центром «Великий Восток народов России», который преследовал политические цели и в годы первой мировой войны объединял до 400 человек, преимущественно кадетов, прогрессистов, умеренных социалистов. Хотя проблема влияния масонства на российскую историю и, в частности, на события февраля - марта 1917 г. остается дискуссионной, имеющиеся в распоряжении исследователей факты не дают оснований ни для трактовки масонства как могущественной сверхорганизации, ни для полного «сбрасывания его со счетов»⁵⁶ По-видимому, его можно рассматривать как надпартийную политическую организацию, порожденную стремлением ее членов компенсировать относительную слабость, диспропорциональность партийной системы России, путем налаживания координации сил, противостоящих царизму и черносотенству, но в большинстве своем чуждых крайнего радикализма, т. е. сил, тяготевших не к партийным флангам, а к центру, точнее, к левому центру.

Невиданное в отечественной истории массовое создание непартийных политических органов — общественных исполнительных комитетов⁵⁷, Советов и др. — после Февральской революции свидетельствовало не только о формировании гражданского общества. Отчасти это отразило и неразвитость партийной системы. Несмотря на стремительный рост партийных рядов, совокупная численность членов всех партий после Февраля была в целом невелика и составляла примерно 1,2—1,5% населения (0,5% — в 1906—1907 гг.)⁵⁸. На Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 г. некоторые делегаты связывали возникновение Советов с отсутствием сильных партий и профсоюзов. Эту же мысль проводил впоследствии и Н.А.Рожков. Правда, в подобных высказываниях сквозило и опасение партийцев конкуренции со стороны Советов.

Февральская революция похоронила всю старую политическую систему, включая и сложившуюся в стране систему политических партий. Падение «полусамодержавной» монархии, служившей важнейшим структурообразующим фактором партийной системы, и мощная волна революционных настроений повлекли за собой принципиальные изменения (хотя в том или ином виде соответствующие тенденции наметились еще ранее). Был сменен почти весь правый — традиционалистско-монархический партийный фланг. Бывший центр (либералы) был значительно ослаблен. Октябристы и прогрессисты практически сошли с политической арены. Возникшие в 1917 г. республиканско-демократическая, радикально-демократическая и другие партии не представляли серьезной силы. В России осталась только одна крупная либеральная партия — кадеты. Но, несмотря на быстрый ее рост после Февраля, партия «народной свободы» по числу членов и партийных организаций — 100 тыс человек и 380 партийных комитетов — не пр^я ^а существенно уровень первой российской революции. Даже учитывая отсутствие у кадетов стремления к форсированию численности партии, это свидетельство об ограниченности ее массовой базы (особенно за пределами крупных городов), что было наглядно заметно на фоне колоссального усиления социалистических партий. Уже летом 1917 г. численность эсеров составляла до 1 млн человек, объединенных в 436 организациях, а большевики и меньшевики насчитывали примерно по 200 тыс. членов. «Чуть ли не вся политическая жизнь занята социалистами», — жаловались кадеты. Нарастание революционной стихии отразилось в быстром усилении влияния анархистов. Сразу после Февраля их группы действовали лишь в семи городах, а уже накануне Октябрьской революции — почти в 40⁶⁰.

В колоссальном усилении левого «социалистического» фланга проявились отмеченные выше особенности общественного развития с одной стороны, а с другой — и русского национального характера. Ликвидация монархии, Государственной думы и охватившее общество «революционное возбуждение» привели к невиданному повышению роли масс, с их радикализмом, переменчивыми

настроениями и совсем не парламентской политической культурой «Вся полнота власти находилась, в сущности, в руках толпы»,—мер. Однако воли у социалистических партий не хватило даже на создание однородного демократического правительства. Применить же насилие к революционному народу меньшевики и эсеры тем более были не готовы. Весьма характерно высказывание А.С.Мартынова на совещании меньшевистской фракции 13 сентября. Вслед за Ю.О.Мартовым он подчеркнул: «Если б рабочие готовили коммуну и если б мы это даже считали гибелью, то в решающую минуту мы не должны были бы подавлять этой коммуны»⁶⁶.

Ситуация после Февраля наглядно выявила неосуществимость государственной модели кадетов— правового государства в виде парламентской республики. Дело заключалось не только в неблагоприятных для этого революционной обстановке и соотношении сил. Уже в начале XX в. некоторые российские ученые подчеркивали, что парламентская республика предполагает наличие устойчивой партийной системы с ядром в виде двух партий или партийных коалиций, несущественно различающихся между собой⁶⁷. Это в свою очередь подразумевало существование структурированных социальных интересов, глубоких и давних демократических традиций, то есть гражданского общества. Кадетская парламентская республика была утопией, навеянной опытом Англии, которая вступила на путь развития капитализма на три сотни лет раньше и обладала качественно иной политической культурой. Неудивительно, что за кадетов — «благородных иностранцев в России», по выражению Д. Мережковского,— на выборах в Учредительное собрание было подано лишь 4.5% голосов. В ходе гражданской войны идея парламентской республики была сметена вместе с партией и большей частью всего «верхнего» образованного и относительно европеизированного слоя населения, который и служил опорой, питательной средой для либералов.

Дореволюционная и особенно послефевральская история России, когда партии впервые встали у власти в государстве, наглядно выявила характерную черту отечественных партий - большинство из них, пользуясь выражением А. де Токвиля, были «великими партиями». озабоченными больше приверженностью принципам, нежели «тем, к чему может привести следование этим принципам»⁶⁸. В силу российских традиций и неструктурированности социальных интересов идеология не только играла ведущую роль в создании партий, их моделей государственности, но чаще всего доминировала и в их практической деятельности.

Меньшевики, а вместе с ними и эсеры после Февраля фактически попытались соединить Временное правительство и радикально-революционные общественные формы, прежде всего Советы, в своеобразную полусоветскую-полупарламентскую республику, утешая себя временным характером этой конструкции. Однако этот противоестественный симбиоз, вошедший в историю как двоевластие, не породил дееспособных государственных структур. Умеренные социалисты под давлением обстоятельств согласились после Февраля на более высокий, чем предусматривалось ими ранее, статус Советов в новой государственности, а 6 мая вопреки своим теоретическим схемам 1905г. вошли во Временное правительство. Тем не менее, сознавая неготовность России к социализму, но не желая поступиться социалистическими принципами, умеренные социалисты не решились создать однородное демократическое правительство (или передать власть Советам), зато успешно воспрепятствовали стремлению кадетов (а тем более генерала Л.Г.Корнилова⁶⁹) подавить нараставшую революционную стихию и устранить дестабилизирующее влияние Советов.

Меньшевики-оборонцы, имевшие опыт позитивной государственной работы, в меньшей степени были подвержены доктринерству. Это проявилось не только при создании Петроградского Совета в феврале 1917г. (именно оборонцы стояли у его истоков), но и в сентябре, когда некоторые из них, как Б.О.Богданов, с первого для революции борющийся за коалицию с кадетами, увидев ее неэффективность, выступили за создание однородного демократического правительства. А.Ф.Керенский, И.Г.Церетели и часть других социалистов, став у власти, более реально, (с.44) особенно после июльских событий, оценивали Советы; государство стало ассоциироваться у них с сильной внеклассовой, общенациональной властью. Однако эволюция их взглядов осталась незавершенной.

По сравнению с умеренными социалистами кадеты проявили несколько большую тактическую гибкость. Весной 1917г. они отказались от конституционной монархии и высказались за республику, затем стали склоняться к диктатуре, но, увидев нереальность этого шага, отступили.

В целом, по их собственному признанию, они не слишком часто заглядывали в партийную программу, поскольку события пошли гораздо далее того, что было в ней обозначено. Но несмотря на создание либерального Временного правительства, и идеологически, и психологически, и организационно послереволюционная Россия оказалась чужда кадетам. Они не смогли выдвинуть ни ярких популярных лозунгов, ни харизматических вождей, подобных Ленину, Керенскому, Корнилову.

Необыкновенная же тактическая гибкость большевиков компенсировала доктринерство их стратегии безудержного стремления к социализму, Ленинская утопия Советского государства-коммуны, во сто крат менее реальная, чем кадетская парламентская республика, имела мощного носителя — большевистскую партию и больше отвечала традиционным в своей глубинной основе, но во многом уже «социализированным» — на уровне лозунгов - воззрениям «низов».

Важная особенность послефевральской ситуации заключалась в том, что возникавшая партийная система, не стесненная мощным монархическим государством, заняла невиданно значительное место в политической системе общества, сопоставимое с тем, какое было у партий в развитых парламентских демократиях. Это, однако, имело своим следствием то, что, без прочной, стабилизирующей основы в виде гражданского общества, в условиях неуклонной радикализации масс предотвратить дальнейшее «заваливание» влево партийной системы политическими, ненасильственными методами было невозможно.

Формировавшаяся после Февральской революции партийная система не выдержала испытания властью. Ни идеологически, ни организационно российские партии оказались не готовы к управлению страной в принципиально новых, сложнейших условиях. Очутившись во многом в плену у собственных лозунгов, они поддались революционно-разрушительной эйфории и не поняли специфической роли российской государственности, которая своим вмешательством как бы компенсировала «недоразвитость» и противоречивость общества, недостаток социально-политических и культурных его взаимосвязей. Падение монархии как бы лишило государство «скреп», и оно начало быстро разваливаться, а формировавшаяся демократия вырождалась в охлократию и анархию, чреватую неминуемой диктатурой.

Решающую роль в падении послефевральской демократии сыграли объективные обстоятельства. Достаточно вспомнить о продолжавшейся мировой войне, незавершенности экономической и социальной модернизации, социокультурном расколе общества (который и отразило «двоевластие») и исторической молодости российских партий и демократических традиций. Англии после революции потребовалось два с лишним столетия на усыновление демократической системы, причем революция произошла лишь через 375 лет после появления в стране парламента (и через 425 лет после принятия Великой партии вольностей). Великая французская революция — спустя 478 лет, а Февральская революция в России — уже через 10 лет после появления в стране Государственной думы, формирования партийной системы и через 11 лет - после введения основных демократических свобод.

Вряд ли поэтому можно согласиться с мнением, что «российская многопартийность в качестве прообраза парламентаризма оказалась мертворожденной прежде всего в силу ее генетических пороков»⁷². В генезисе российских партий, несмотря на его своеобразие, не было ничего изначально «порочного». Нарождавшаяся партийная система вполне соответствовала особенностям и уровню развития российского общества. Крах партийной(с.45) системы, равно как и всего российского общества, в 1917 г., в конечном счете, был вызван тем, что монархическое государство, находившееся в самом опасном, переходном состоянии, не смогло выдержать нагрузок, вызванных отозванием процессов модернизации страны (и, соответственно, эволюции партийной системы) от роста социально-политической напряженности, порожденной во многом той же модернизацией, а также воздействием мировой войны. Российские партии, возвращенные в борьбу (или защите) с царизмом, оказались слишком молоды и неопытны, а ростки гражданского общества недостаточно сильны, чтобы в сложнейших условиях выжить и построить стабильное демократическое общество без сильной, пусть опекающей и ненавистной многим, прежней государственности.

Примечания

1. ЛЕОНОВ М. И. Партия соци.д-шиов-ревспюциолеров в 1905—1907гг. М. 1997, с. 393.

2. Например, большевики признавались «пролетарской нарчией», а меньшевики нет.

3. Это наглядно отразилось в «Истории политических партии России» М 1994 В тгом, видимо, лучшем на сегодняшний день учебном пособии классификация партий является одним из малоудачных разделов. Остановившись на ленинской классификации партий и лишь -тронув некоторые другие, авторы, по сути, ушли от подробного анализа проблемы и выдвижения, обоснования собсгвенной классификации, заявив лишь, что в основу ее необходимо положить «совокупность факторов».

4. Анализ национальных партий, национальных проблем в деятельности общероссийских партий не входит в задачу настоящей статьи (см. по этому вопросу: История национальных полиишческих парши России М. 1997).

5. Политические партии России. Конец XIX— первая треть XX в. Энциклопедия. М. 1996, с. 5, 6 Эта энциклопедия классифицирует партии по территория чыному (общероссийские, региональные и национальные) и идеологическому принцип) (консервативные, либеральные и социалистические), что является несомненным шагом вперед. Однако преде і авляется сомнительным отнесение всех правых, в том числе черносотенных партий к консервативным. а наличие дв\х равноправных, по сути. критериев классификации затрудняет анализ национальных партий (они как бы выпадают из классификации по идеологическому принципу, в то время как их идеология отнюдь не сводима лишь к социалистической, либеральной или консервативной) и партийной системы России в целом

6. ГЕФТЕР М Я. Страница из истории марксизма начала XX в. В кн.: Историческая наука и некогорыс проблемы современности, М. 1969, с, 21.

7. Россия 1913 юд. СПб. 1995, с. 223, 71: СОЛОВЬЕВА А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М- 1990, с 258. ВОЛОБУЕВ П В Пролетариат и буржуазия в 1917г. М. 1964, с. 25; БОХАНОВ А. Н, Крупная буржуазия России М 1992. с. 259. Кризис самодержавия в России. Л. 19Я4, с. 14, 15; ДЯКИП В С. Самодержавие, буржуашя н дворянство в 1907 -1911 гг. Л. 1978, с. 12; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Самодержавие и русская армия па рубеже XIX—XX сюлетия. М 1973, с. 202, 203.

8. БЕРДЯЕВ Н А Судьба России М. 1990, с. 73.

9. ИЗГОЕВ А. С. Наши политические партии. Пг 1917. с. 4.

10. Общесгвеннос движение в России в начале XX века- Т 1. СПб. 1909, с. 385; ИЗГОЕВ А. С. Ук соч., с. 4; СТРУВЕ П Patnolica СПб. 1911, с. 336.

11. Революционное движение в России Учебное пособие по истории для современных абитуриентов. составленное в 1910 г в штабе Оыельпого корпуса жандармов... В кн : Неизвестная Россия. XX век М 1992. с. 360.

12. Маленький штрих: в период первой русской революции в некоторых квартирах рабочих кварталов Поербурга жило до 80 человек (Петербургский комитет РСДРП. Л. 1986, с. 519; ВОЛОБУРВ П. В. Ук. соч.. с. 26).

13. ВАСИЛЕВСКИЙ Л. М- Политические партии на Западе и в России. Вып. 2. СПб, 1906, с. 5;

СТРУВЕ П. Ук. соч., с. 7,

14. По признанию П. Н. Милюкова, наблюдение за политической жизнью Англии сыграло важную роль в формировании ею мировоззрения. Политическая доктрина кадетов во многих отношениях была просто заимствована в Англии Программы российских социал-дсмокра і ов и даже дсеров восходили как к образцам к программам партий І і Интсрнациона-ла(МИЛЮКОВ П Н Воспоминания М 1991. с. 154, 155. 0'КОННОРТ. Инженер революции Л. Б-Красин и большевики. М. 1993, с. 18, 23, 24; ЛЕОНОВ М. И Ук-соч , с. 103. 104)

15. Признавая позднее факт отчуждения интеллигенции от народа, Милюков писал' «Послед-